

Андрей Карпов

Веганство

обнажение смыслов

Андрей Карпов

Веганство. Обнажение смыслов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22104601
ISBN 9785448346880*

Аннотация

Они называют себя веганами и едят только растительную пищу. Что стоит за этим выбором? Какое мироощущение соответствует веганству? Знают ли сами веганы, какие смыслы они несут в мир?

Содержание

1. Что такое веганство	5
2. Идеология веганства	11
3. Освобождение или дедоместикация	18
4. Веганство и история	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Веганство

Обнажение смыслов

Андрей Карпов

На обложке:

*Фрагмент картины Жюльена Дюпре
«Возвращение на ферму»*

© Андрей Карпов, 2024

ISBN 978-5-4483-4688-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Огромное спасибо Кириллу Дегтяреву, благодаря
которому состоялась эта книга*

1. Что такое веганство

Мы говорим о *веганстве*. За рубежом используется термин *веганизм* (veganism). Человек, практикующий веганство (или веганизм), называется *веганом*. Отличительной особенностью веганства является отказ от продуктов животного происхождения. Прежде всего, конечно, речь идёт о пищевых ограничениях.

Есть люди, которые не едят мяса. Известно слово *вегетарианец*, которым мы обозначаем таких людей. Сегодня довольно часто вегетарианцев называют веганами. Делается это с подачи настоящих веганов: так они оказываются представителями более многочисленной группы. Более того, благодаря подобному манёвру, у веганов за спиной открывается совсем другой временной горизонт: веганство получает исторические корни, без которых ему несложно навесить ярлык недавней человеческой выдумки.

И всё же веганов необходимо последовательно отличать от вегетарианцев. Вегетарианцы могут употреблять в пищу продукты животного происхождения (в первую очередь, молоко и то, что может быть из него сделано), для веганов это — табу.

Слово «табу» тут вполне уместно. Какой бы строгой ни была диета, её нарушение не всегда критично. Если отступление от врачебных предписаний незначительно и совершается нечасто, то последствий, скорее всего, не будет. Главное – не делать нарушение диеты регулярной практикой. Жизнь подкидывает разные обстоятельства, и соблюдать принятые пищевые правила не всегда получается. Это учитывается, например, в учении христианства о посте. Для больных, путешествующих, учащихся и занимающихся тяжелым физическим трудом допускаются послабления. Табу же – это категоричный запрет. Его нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Полинезийцы, из языка которых к нам пришло это слово, верили, что нарушившего табу ждет кара небес (смерть). Современные веганы знают, что смерть им не грозит. Но сила их запрета также кроется в убеждениях.

Веганство не следует воспринимать с точки зрения диетологии. Вегетарианство ещё можно. Мясо содержит много белков и жиров. Современный человек, живущий в рафинированных условиях цивилизации и употребляющий мясо, часто ест его больше, чем требуется, что приводит к ожирению, повышенной нагрузке на сердце и сосуды, способствует развитию атеросклероза и т. д. Мясо к тому же довольно долго переваривается. Увлечение мясной пищей перегружает кишечник, благоприятствуя развитию желудочно-кишеч-

ных заболеваний. Отдельная история – продукция мясопереработки. Покупные колбасы, сосиски, котлеты с диетологической точки зрения весьма сомнительны. Современные технологии ориентированы на увеличение сроков хранения и снижение цены. И того и другого можно добиться лишь путём введения в состав продуктов дополнительных ингредиентов, не добавляющих никакой пищевой ценности. В лучшем случае об этих веществах можно сказать, что их вредность не установлена; о пользе для здоровья говорить не приходится. Впрочем, и мясо, продаваемое в магазинах, сегодня является продуктом использования передовых технологий. Это означает, что производители добиваются максимального выхода продукции на единицу затрат. Для этого используются специальные кормовые добавки, гормональные средства, антибиотики (снижают заболеваемость и предотвращают падёж). Животным создают условия, сокращающие их подвижность, – так они лучше набирают вес. Они могут не иметь контакта с естественной природной средой, жить при искусственном освещении и т. д. Всё это приводит к изменению качества мяса: полезные его свойства утрачиваются, потенциальный вред возрастает. Наконец, в последнее время появились данные, что употребление красного мяса (говядины, баранины, свинины, конины) повышает риск развития раковых заболеваний.

Таким образом, определённое диетологическое обосно-

вание выбора в пользу умеренного вегетарианства при желании найти можно. Хотя стоит учитывать, что дискуссия о пользе вегетарианства возникла не по диетологическим соображениям. Всё началось отнюдь не с того, что исследования показали какой-либо вред от употребления мяса. Исследованиям предшествовали убеждения. Инициатива принадлежала вегетарианцам, поставившим своей целью доказать, что их модель пищевого поведения более правильна, чем модель большинства. Они стремятся к этому и сегодня, опираясь на уже достигнутые успехи: так и не убедив большинство в том, что вегетарианское меню более полезно, они добились признания вегетарианства разновидностью нормы. Человек может есть мясо или придерживаться вегетарианства, – и в том и в другом случае мы говорим о пищевых предпочтениях и не видим оснований беспокоиться о здоровье.

Этим же путём идёт и веганство. Представители веганства также ищут аргументы, чтобы убедить человечество в том, что полный отказ от продуктов животноводства есть путь к здоровью. Но эта позиция гораздо слабее. В результате попытка веганства завоевать диетологию свелась к поиску аргументов, доказывающих, что и при веганской диете человек может получать все необходимые вещества для поддержания жизни, роста и развития. То есть к глухой защите. С точки зрения диетологии веганство остаётся рискованным

предприятием. Молочные продукты являются источником ценных животных жиров, кальция и витаминов. При этом, поступая с продуктами, сделанными из молока, эти вещества хорошо усваиваются человеческим организмом. Кисломолочные продукты, к тому же, насыщают организм полезными микроорганизмами, способствуя нормализации пищеварения. Поэтому они входят в состав практически любой лечебной или восстановительной диеты. Сторонники веганства не перестают искать диетологические аргументы против употребления молочных продуктов, однако то, что озвучивается, может быть, и способно произвести какое-то впечатление на обывателей, но не выглядит серьёзным в глазах медицинской науки.

Теоретически все необходимые вещества можно получать и не потребляя продукты животного происхождения. Особенно если сочетать естественную растительную пищу с биологически активными добавками. Но обеспечить полноценное питание при веганской диете довольно сложно: надо специально выстраивать сбалансированный рацион. Не задумываться о том, что ты ешь, не получится. Дефицит микроэлементов или аминокислот какое-то время может видимым образом не проявляться, но если не заботиться о поступлении в организм того, что ему необходимо, проблемы со здоровьем гарантированы. Для тех, кто не связывает себя веганством, всё проще: достаточно есть продукты животного про-

исхождения, и потребное организму будет доставлено.

Можно резюмировать, что пищевые правила веганства, хотя и входят в самую серёдку веганского самосознания, всё же являются вмешательством убеждений в организацию быта. Не было бы идеологии веганства, никто бы и не задумался об исключении, например, молочных продуктов из рациона, поскольку приобретения тут сомнительны, а утраты очевидны.

Веганство прорастает из мировоззрения. Последовательный веган ограничивает себя не только в пище. Он не носит кожаной и шерстяной одежды, не пользуется лекарствами, в производстве которых используются компоненты животного происхождения и т. д. Существует, конечно, и чисто пищевое веганство. Но это – не основная, а факультативная, слабая форма. Как говорят последовательные веганы, она – для тех, кто не нашёл в себе решимости на большее. Не будь идеи последовательного веганства, не существовало бы и веганской диеты.

2. Идеология веганства

Идеология веганства крайне проста: продуктами животного происхождения пользоваться нельзя, поскольку они получают в результате эксплуатации животных. Человек ради удовлетворения собственных потребностей убивает животных и эксплуатирует их, причиняя им страдания. Это недопустимо. Этика людей запрещает убивать и мучить себе подобных. То, что люди допускают при обращении с животными действия, которые считаются преступными или предосудительными, если они совершаются над людьми, является проявлением своего рода биологического расизма: человек выделяет себя из числа животных, считая вправе распоряжаться их жизнью и смертью, тогда как, например, ощущение боли одинаково и для человека, и для животного. Занимая по отношению к животным позицию господина, имеющего право причинять боль и обрекать на смерть, человек воспроизводит культурный архетип, ранее распространявшийся и на людей. Это – позиция деспота в отношении своих подданных, рабовладельца в отношении раба. Также можно вспомнить, что во многих культурах люди иной национальности или иной расы не считались полноценными людьми и могли приравняться к животным, получая причитающуюся тем меру страданий. Современное общество подняло этическую планку, выведя за пределы нормы любую дискри-

минацию представителей своего биологического вида. Веганы призывают распространить этот подход на все виды животных.

Слово «веган» ввёл в оборот англичанин Дональд Уотсон (Donald Watson). Оно образовано от первых и последних букв слова «vegetarian» (вегетарианец). Символически это означает, что веганство – начало и конец вегетарианства. С веганской точки зрения вегетарианство (отказ употреблять продукты убийства) – лишь переходная стадия к полному отказу от эксплуатации животных. В 1944 году Дональд Уотсон организует в Лестере (Великобритания) Веганское общество (The Vegan Society).

Стоит обратить внимание на год основания общества. Превращение Уотсона из классического вегетарианца в вегана происходит в 1940-е, годы Второй мировой войны. Мир захлёбывается от человеческих страданий, а группа единомышленников в воюющей с Гитлером Англии решает сконцентрироваться на заботе об уменьшении страданий животных. Наверное, нельзя сказать, что страдания животных их волновали больше, просто они не выделяли человека из прочих живых существ. Насилие над людьми в соответствии с мировоззрением веганства также недопустимо. Это соображение привело Дональда Уотсона к официальному отказу от армейской службы. Отстаивать что-либо с оружием

в руках – будь то убеждения, государство или даже жизнь близких тебе людей – нельзя, ведь ты можешь причинить боль другому живому существу или лишить его жизни. Пацифизм и веганство – одного духа. Проблему этического выбора они решают посредством личного неучастия: если некоторое действие определено как зло, ты просто его избегаешь, к чему бы это ни привело. В определённом смысле это очень удобно: нет необходимости выбирать между видами зла (большим и малым). Можно чувствовать себя правым и чистым. Если же победит большое зло, то твоей вины в этом нет: ты же не выступал на его стороне. Но, какие бы вероятности ни существовали, Дональду Уотсону повезло: Гитлера победили, в Великобритании налачился мирный быт, веганские идеи получили распространение.

Возможно, в некоторых случаях веганство уже является частью семейной культуры, но в основной своей массе веганы получают путём обращения к новой для себя жизни уже в сознательном возрасте. Превращение в вегана обязательно включает в себя момент слома привычной картины мира, без которого веганская жизнь не могла бы начаться. Вот, например, как это было у Дональда Уотсона (цитата из интервью, которое он дал Джорджу Роджеру (George Rodger), Председателю попечительского совета Веганского общества в 2010 году):

«Одно из моих самых ранних воспоминаний — это каникулы на ферме моего дяди Джорджа, где меня окружали интересные животные — все они что-то „давали“: рабочая лошадь тянула плуг, другая лошадь тянула двуколку, коровы „давали“ молоко, куры „давали“ яйца, а петух был удобным „будильником“ — тогда я не понимал, что у него есть и другая функция; овцы „давали“ шерсть. Я никак не мог понять, что же „давали“ свиньи, — но они казались очень дружелюбными существами: всегда были рады меня видеть. Потом настал день, когда одна свинья была убита: у меня до сих пор сохранились яркие воспоминания всего процесса, включая крики, конечно же. Одним из того, что меня поразило, было то, что мой дядя Джордж, которого я высоко ценил, принимал в этом участие. Я понял, что фермы — и дяди — должны быть переоценены: идиллическая сцена оказалась не более чем камерой смертников, где дни каждого создания были сочтены, что определялось их неспособностью далее обслуживать существование человека».¹

Когда Дональд Уотсон давал интервью, из которого приведена цитата, ему было 92 года. Акценты в рассказе расставлены, конечно, в духе устоявшегося веганского мировоззрения, с которым человек прожил большую часть своей жизни.

¹ Цитируется по: Interview with Donald Watson – Vegan Founder Foods for Life <http://www.foodsforlife.org.uk/people/Donald-Watson-Vegan/Donald-Watson.html> Полный текст интервью: The Vegan I Summer 2003, pp 15—18.

ни. Но, несомненно, пережитое потрясение было очень сильным. С 14 лет Дональд перестал есть мясо, и причиной тому стала описанная выше история.

Разбирая этот случай, необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, мальчик Дональд не жил на ферме; он приехал туда отдохнуть. Все эти «интересные» животные именно потому и составили идиллическую картинку, что не были частью его повседневного быта. Эта отстранённость присуща веганству в целом: веганы, как правило, – городские жители, далёкие от непосредственного участия в сельском хозяйстве.

Во-вторых, Дональд-ребёнок, несомненно, был романтической натурой, воспринимающей мир преимущественно эмоционально. Думается, можно с уверенностью сказать, что свой романтизм мистер Уотсон сохранил на протяжении всей жизни. Нельзя быть веганом и не быть своего рода романтиком. По своей сути веганство – это борьба за утверждение идиллии: никто не должен страдать. Во всяком случае, никто никому не должен причинять страданий. Значимость эмоциональной аргументации в веганстве значительно выше, чем рациональных суждений: *посмотрите, в какие условия поставило животных интенсивное животноводство!* Они лишены естественной среды обитания, а порою и жизненного пространства. С помощью селекции, спе-

циальных препаратов, а в некоторых случаях и генной инженерии животные превращены в какую-то пародию на самих себя. Они больше не полноценные живые существа, а рабы своей функции. Бычок или цыплёнок-бройлер должны как можно быстрее набрать максимально возможный вес. Курица-несушка должна нестись без роздыха, корова молочной породы – давать как можно больше молока, чего бы это ни стоило их здоровью.

Интенсивное животноводство действительно обращается с живыми существами как с производственными механизмами. Применяемые технологии безжалостны в прямом смысле этого слова: животных в крупных агропроизводственных комплексах никто не жалеет, отношение к ним определяется не жалостью, а чистой прагматикой. Если животное болеет, его лечат, но не потому, что ему больно, а чтобы не пропали вложенные в него деньги. Если же более выгодно заменить заболевшее животное новым, его не будут лечить, а забьют или усыпят.

Узнав об этой неприятной изнанке животноводства, чуткие и романтические натуры испытывают эмоциональный шок и становятся веганами. Они решают не принимать участия в причинении страданий животным, пусть даже весьма опосредованно – в качестве потребителей продукции животного происхождения. Последовательные веганы отказы-

ваются и от мёда, и от изделий из шёлка, включая насекомых в число тех существ, которых следует избавить от эксплуатации человеком.

3. Освобождение или дедоместикация

Итак, эксплуатация животных недопустима. Как, в принципе, недопустима всякая эксплуатация.

Идея бороться с эксплуатацией животных возникла не сама по себе, она – лишь результат расширенного применения идеи о неприемлемости эксплуатации человека человеком. Прежде чем появилась возможность говорить об эксплуатации в отношении животных, необходимо было составить само понятие эксплуатации. Это понятие было сформулировано социальной наукой и стало одним из ключевых элементов левой идеологии.² В этой перспективе защита прав животных оказывается своеобразным наивысшим мощной волны социальной борьбы. Патетика веганских высказываний в значительной степени восходит к традициям левых движений, привычно употребляющих такие обороты как борьба за права или освобождение. Эти формулировки активно заимствуются веганством. Так, заметная в истории веганства книга австралийского философа Пите-

² История негативного восприятия слова эксплуатация (от французского *exploitation* – «использование, извлечение выгоды») восходит к экономической теории Карла Маркса.

ра Сингера (Peter Singer) называется «Освобождение животных» (Animal Liberation).

Пока речь идёт об освобождении людей, всё кажется понятным. Вот человек сидел в тюрьме или, – как принято говорить о тех, кому сочувствуют, – в застенках, его выпустили, и он стал свободен. Или раб, находившийся в полной зависимости от своего господина, получает свободу, – теперь он принадлежит самому себе и волен жить, как ему заблагорассудится. Или крестьянин освобождается от крепостной зависимости, и больше не обязан работать на помещика бесплатно.

Но даже с человеческим освобождением не всегда всё так просто. В русском канцелярите – языке официальных документов – есть такой устоявшийся оборот: «освободить от занимаемой должности». С одной стороны, это действительно освобождение. Человек был отягощён необходимостью определённым образом трудиться. Возможно, ему было нужно приходить в конкретное место к определённому часу, совершать действия в соответствии с производственной необходимостью, а вовсе не со своими желаниями, выслушивать и принимать к исполнению распоряжения начальства. Можно допустить, что человек устал от подобного состояния, и вот его освобождают, и он чувствует эту свободу: теперь он предоставлен самому себе. Но, с другой стороны, весьма ве-

роятно, что потерянная должность была основным или даже единственным источником его доходов, и теперь, хотя и получив свободу, он лишился средств для дальнейшего существования. Является ли подобное освобождение благом?

Ценность свободы вовсе не является абсолютной. «Человек свободен от обязательств» – звучит, вроде бы, хорошо. Но это означает, что никто от него ничего не ждёт, и такой человек, в сущности, никому не нужен, а это уже плохо. Чего стоит обрётённая свобода, может сказать лишь тот, кто её получил. Если освобождённый – человек, мы можем его об этом спросить. Но с животными так не получится. Животные не обладают самосознанием и не могут дать оценку изменению своего состояния. Они не в состоянии поведать, что для них исконная или новообретённая свобода – дар или проклятие. Мы вынуждены оценивать ситуацию за них, перенося на животный мир чисто человеческие представления.

Бернард Шоу – известный британский драматург – был убеждённым вегетарианцем. Когда он довольно серьёзно заболел (на фоне истощения у него развился некроз кости), близкие пытались побудить его оставить вегетарианскую диету и поесть мяса. Но Шоу заявил, что *«лучше смерть, чем каннибализм»*. Развивая этот тезис, он пишет: *«В моём завещании содержатся указания насчёт моей похоронной процессии, в которой не будет похоронных экипажей, но зато*

*будут шествовать стада быков, баранов, свиней, всякой домашней птицы, а также передвижные аквариумы с живыми рыбами, причём у всех сопровождающих гроб будут повязаны белые шарфы в память о человеке, который предпочёл умереть, но не есть себе подобных».*³ Впрочем, тогда он поправился, а когда всё же скончался (это произошло более чем 50 лет спустя), во вскрытом завещании оказался совсем другой текст. Так что мы не знаем, была ли описанная им постановка собственных похорон хорошей шуткой, или планировалась всерьёз. Во всяком случае, Шоу использовал хорошо понятную всем символику: белые шарфы (повязки) – знак несогласия с насилием, шествие за гробом – выражение уважения и признательности усопшему. Общая картина должна читаться так: животные благодарят Шоу за то, что он их не съел. Зрелище могло получиться весьма впечатляющим. *«Если не считать процессии, направляющейся в Ноев ковчег, это будет самая замечательная процессия, какую доводилось видеть людям»,* – заключает Шоу своё описание.

Однако сами собой животные похоронной процессии не составят. Если бы фантазию Шоу всё же решили воплотить в жизнь, кому-нибудь пришлось бы взять в руки кнут и организовать движение этих стад. Без участия человека ничего бы не было. Поведение животных строится на дру-

³ Цитируется по: Эмрис Хьюз *Бернард Шоу* М., «Молодая гвардия», 1966. Стр. 91

гих основаниях. Но человек, привыкший воспринимать мир эмоционально, готов приписать чисто человеческие эмоции и животным, увидев некое подобие собственной мотивации там, где её быть не может. В частности, животные не могут быть благодарны за то, что их не съели, или за то, что кто-то решил их больше не эксплуатировать. Человек судит по себе. Если бы нас осудили на смерть, а потом это решение отменили, то разве мы не должны были бы проникнуться благодарностью к тому, кто принял решение о помиловании? Впрочем, тут взгляд, скорее, с другой стороны. Тот, кто подписывает помилование, всегда уверен, что заслуживает благодарности. Тогда как помилованный сам может думать, что если бы не было приговора, не потребовалось бы его и отменять, так что помилование просто восстанавливает должный порядок вещей, а за исправление ошибок благодарить как-то не принято.

Как бы то ни было, сохранение жизни – очевидное благо. Его легко приложить к миру животных. Вот этого поросёнка должны были заколоть к празднику, но если ему сохранить жизнь, он станет замечательным боровом. Петушок, не попавший в суп, сможет ещё не раз прокукарекать навстречу восходящему солнцу. Нечто похожее можно сказать и про людей, надо лишь заменить одни слова на другие.

Но привычка проецировать человеческие взаимоотноше-

ния на мир животных не всегда укладывается в осмысленные аналогии. Вот, скажем, избавление от эксплуатации. Человек, которого принуждали к труду, получив свободу, просто переберётся на новое место и найдёт себе другое занятие. А что будет с «освобождённым» животным?

Веганы не очень-то хорошо представляют себе ответ на этот вопрос. Сказывается удалённость от занятий сельским хозяйством. Если бы вдруг идея об избавлении животных от эксплуатации пришла в голову фермеру, ему бы пришлось заниматься освобождением совершенно конкретных существ, возможно, даже имеющих имена. Дядя Джордж, про ферму которого говорилось в прошлой главе, должен был выпрячь Каурку из двуколки и поставить в стойло. Хотя, нет, с точки зрения веганства, это — плохая идея, поскольку в стойле свобода животного ограничена, и оно страдает от отсутствия пространства и естественной среды. Обеспечить естественную среду поросётам и курам, видимо, следовало так: нагрузить ими телегу (пусть уж Каурка потрудится в последний раз), отвезти подальше куда-нибудь в лес, и там выпустить на свободу. Если волков в этом лесу полностью не выбили, то-то они порадуются.

Это, конечно, шарж на грани фола. Однако конкретному фермеру (тому же дяде Джорджу), может быть, именно поэтому и не приходилось задумываться об освобождении жи-

вотных, что любая попытка их практического освобождения превратилась бы в подобный абсурд.

Об освобождении удобно говорить, когда животные, избавляемые от гнёта и страданий, находятся далеко, вне пределов видимости. Лучше всего, если их не придётся конкретизировать (если указать, какие именно животные освобождены, надо будет говорить и как их освободили), – пусть это будут животные вообще.

Но этот ход не избавляет нас от необходимости ответа на вопрос: в чём будет заключаться освобождение животных? Переход к «животным вообще» позволяет ответить на уровне общих понятий. Если человек подчинил себе животных, заставив их отдавать ему свою мускульную силу, продукты своей биологической активности (шерсть, молоко, мёд и т.д.) и, наконец, саму жизнь, и это закабаление носит название *доместикации (одомашнивания)*, то освобождение должно означать возвращение животным существования, независимого от человека, то есть *дедоместикацию* или раздомашнивание.

Таким образом, мы приходим к мысли, что целью веганства является дедоместикация. Вероятно, нельзя сказать, что это – его конечная цель, ведь веганы формулируют свою задачу иначе: они хотят избавить животных от страданий, ко-

которые им причиняет человек. Но эта задача имеет только одно решение – раздомашнивание.

Обычная жизнь вегана протекает совсем на другом семантическом горизонте. Он просто воздерживается определённых продуктов, не носит кожаных и шерстяных изделий, не делает прививок вакцинами, в состав которых входит куриный белок. Он не думает о раздомашнивании. Его заботит, прежде всего, личное неучастие в причинении страданий животным. Веганство подчёркнуто персонально, солидарная ответственность человечества вытеснена на задний план. Веганы же никого не принуждают, они просто показывают пример правильного отношения к животным. Кому это отношение по душе, сам может стать веганом, прочих веганы оставляют наедине со своей совестью.

Несмотря на то, что число веганов растёт, их пока ещё слишком мало, чтобы они могли чувствовать себя социальной силой. Люди в основной своей массе спокойно потребляют продукты, полученные в результате эксплуатации животных. Власть человека над животными оставляет впечатление незыблемого, хотя и сомнительного этически принципа общественного быта. Веганская модель – это торпеда, направленная в борт непотопляемого дредноута, призванная вызвать беспокойство, но не способная отправить его на дно; по крайней мере так это выглядит глазами веганов. Веган-

ство по своей сути – форма социального протеста, и, как любое протестное движение, оно негативно ориентировано. Веганы сконцентрированы на том, против чего они выступают, при этом позитивная программа практически полностью отсутствует. Что будет, если вдруг дредноут потонет? Очевидно, дедоместикация.

Раздомашнивание является прямым следствием из повседневных действий каждого вегана. Разве веган отказывается от продукции животноводства не для того, чтобы животные меньше страдали? Разве он не хочет, чтобы другие люди тоже выбрали веганской образ жизни и тем самым уменьшили страдания животных ещё больше? И разве избавление от страданий полностью не лучше частичного освобождения? И если можно полностью избавить от причинённых человеком страданий хотя бы одно живое существо, разве не стоит этого сделать? И, наконец, неужели полное освобождение всех порабощённых человеком животных не является лучшим состоянием, чем освобождение одного? Всё просто: невозможно быть носителем какой-либо идеологии и не желать ей полной победы. В противном случае возникает противоречие, убивающее исходную идею. Веган, не стремящийся к максимуму освобождения животных, и не веган вовсе. Стоит ли отказываться от молока, если считаешь нормальным продолжающееся где-то страдание ещё не освобождённой бедной коровы? Конечно, страдание не может

быть нормой, а потому каждый веган должен воспринимать дедоместикацию как идеальное состояние.

4. Веганство и история

Необходимо сказать, что стремление к тотальной дедоместикации (полному отказу человека от разведения животных) – совершенно новый культурный феномен. Хотя, конечно, животные и раньше порою возвращались в дикое состояние, но это были лишь отдельные эпизоды. Наиболее известны североамериканский мустанг и австралийская собака динго.

Лошадей в Америку завезли европейцы. Континент пришлось завоёвывать, и с людьми случалось разное. Бывало и так, что лошади терялись, убегали, иногда всадника убивали, а лошадь оставалась жива. Обширные прерии кормили миллионные стада бизонов, они легко обеспечили пищей и новых своих обитателей. Лошади освоились в диких условиях и превратились в мустангов.

Когда собака динго попала в Австралию, достоверно неизвестно. Но появилась она там вместе с человеком – если не с переселившимися на континент аборигенами, то позднее – вместе с выходцами из Юго-Восточной Азии. Крупных наземных хищников в Австралии нет, и собаки, отбившиеся от людей в силу неведомых нам обстоятельств, сразу же стали хозяевами положения.

Известны также случаи одичания другой живности, например, коз или свиней. Классический пример – это козы или свиньи, попавшие на необитаемый остров. Этих животных часто возили на кораблях – в качестве провианта, и при кораблекрушении животное могло спастись, если рядом оказывался подходящий клочок земли. Хищников на таких островах, конечно же, не было.

Можно сделать вывод, что если животное, бывшее прежде домашним, попадает в благоприятные для себя условия, оно вполне способно выжить и дать потомство.

Возможна дедоместикация совсем другого рода. Этим термином могут называть научную деятельность по восстановлению диких видов животных. За основу берутся домашние животные с подходящим генотипом. Так, например, пытаются возродить тарпанов (вымерший подвид дикой лошади).

Но всё это очень далеко от проекта тотальной дедоместикации. Всю предшествующую историю человечество решало противоположную задачу: оно извлекало животных из дикой среды и включало их в свою систему хозяйствования. Одомашнивание можно рассматривать как часть технологического прогресса. Это – биотехнологии прошлого. Разведение

животных становилось ответом на самые различные вызовы. Человек получал дополнительную силу, осваивал перемещение на более дальние расстояния, обретал новые способы защиты и охоты, переставал зависеть от среды, обеспечив себе источник пропитания и одежды прямо у себя во дворе. И как заимствовались другие технологические находки, так и идея использования в хозяйстве того или иного животного легко перекочёвывала от одной человеческой общности к другой, от народа к народу. До сих пор ведутся споры, какое животное было одомашнено первым. В числе кандидатов – собака, овца и коза. Эти животные могли следовать за человеком, перемещающимся по лику планеты. Другие виды могли жить только в определённых климатических условиях (индийский слон, тибетский як, северный олень). Где бы ни оседал человек, он окружал себя домашними животными. Они присутствуют во всех культурах, за исключением самых примитивных (там, где природа особенно изобильна, человек мог довольствоваться тем, что получает, не прибегая к технологическим ухищрениям, в том числе и к использованию других живых существ).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.